

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ, ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ПРИОРИТЕТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Правительство России одобрило документ, призванный определить стратегию образовательной политики и названный «0 приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации» (далее — «Приоритетные направления»). Документ дважды обсуждался на Парламентских слушаниях: 25 ноября 2004 года в Совете Федерации и 9 декабря в Госдуме.

«Процесс пошёл»: когда и как?

В период демократической эйфории конца 80-х — начала 90-х гг. представители новой политической элиты требовали, чтобы процесс разработки любого государственного документа был открытым, а имена его авторов предавались гласности. «Народ должен знать своих героев», — звучало с трибун и экранов. И звучало совершенно справедливо. Увы, в соответствии с «принципом маятника», сверхновые времена сплошь и рядом повторяют проклинаемые старые. О том, что Минобрнауки формирует рабочие группы для подготовки стратегических документов, даже мне, первому заместителю думского Комитета по образованию и науке, стало известно лишь в конце июля, причём, как говорят, из неофициальных источников. Первая версия документа под названием «Стратегия развития системы образования Российской Федерации» была роздана участникам Совета Российского Союза ректоров 25 октября 2004 г.

Уверен: ключевые проблемы стратегии образовательной политики должны обсуждаться публично и, безусловно, такого обсуждения заслуживают. Однако, согласно достоверным источникам, за две недели до заседания Правительства даже члены Президиума Российской академии образования в большинстве своём не были знакомы с той структурой общеобразовательной школы, которая предложена Правительством 9 декабря. Более того, сама эта структура окончательно не была ещё определена. Члены думского Комитета по образованию и науке получили документ менее чем за 10 дней до его одобрения Правительством. Абсолютному большинству образовательного сообщества он стал доступен лишь после 9 декабря. Предоставляю читателю судить, что за этим стоит: *неуважение к многомиллионной образовательной общественности или модная сейчас секретность вместо публичности*. Независимо от ответа на этот вопрос, новые направления развития образования заслуживают подробного обсуждения хотя бы потому, что «экспериментировать» теперь намереваются, похоже, над всей системой образования, охватывающей 38 млн человек, не считая родителей и родственников учащихся.

Несколько ложек мёду

Справедливость требует сказать: «Приоритетные направления...» существенно лучше, чем «Стратегия...». К достоинствам документа по сравнению с его предшественником можно отнести следующие.

Во-первых, форма изложения. Новый текст, по крайней мере, написан языком, доступным образовательному сообществу, — спасибо переводчикам с «методологического» на русский. Это вовсе не означает, что его не следует читать между строк и подвергать интерпретации.

Олег Смолин,
первый заместитель
председателя
Комитета
Государственной
Думы по
образованию
и науке, доктор
философских наук

Во-вторых, в целом позитивно следует оценить провозглашённый новым документом курс на непрерывное образование, а также, со значительными оговорками, соответствующие законопроекты. Действительно, если страна намеревается двигаться в направлении к информационному обществу, каждый её гражданин должен стремиться к образованию в течение всей жизни, в хорошем смысле быть вечным студентом.

Однако, как, видимо, догадался читатель, весь документ соответствует перифразированной поговорке: «Ложка мёду бочку дегтя не подсластит». Провозглашая курс на непрерывное образование, загадочное отечественное Правительство и недумаящее большинство Госдумы не далее, как полгода назад отклонили принятый предшественниками Федеральный закон «О дополнительном образовании», в котором те же идеи были сформулированы в гораздо более системной и социальной форме.

Напомню: этот Федеральный закон разрабатывался с 1997 г. сначала парламентскими комитетами, затем совместно с Министерством образования России; при подготовке ко второму чтению максимально согласовывался с исполнительной властью (были приняты 37 из 38 поправок Правительства, 30 из 31 поправки Президента); во втором и третьем чтениях поддерживался Правительством; по информации Минобрнауки, был предварительно согласован с администрацией Президента; неожиданно получил вето Президента, а затем президентская сторона отказалась от всех согласительных процедур.

Помимо предусмотренной «Приоритетными направлениями...» возможности расширить круг организаций, имеющих право осуществлять деятельность в области дополнительного образования, отклоненный закон содержал много других идей. Одна из ключевых — приравнивать работников системы дополнительного образования по заработной плате и социальным гарантиям, а также сами эти учреждения — по уровню государствен-

ной поддержки, соответственно, к работникам учреждений, реализующих основные образовательные программы (школ, ПТУ, ссузов и вузов), и к самим этим учреждениям.

Большинство Комитета по образованию и науке рекомендовало Нижней палате Парламента отклонить закон. Страна по-прежнему будет бороться с преступностью и безнадзорностью среди несовершеннолетних вместо того, чтобы всё это предотвращать. За отклонение закона (27 мая 2004 г.) проголосовали 96,1 % депутатов от «Единой России». Против его отклонения высказались: ЛДПР — 94,4 %, КПРФ — 88,2 %, «Родина» — 84,6 %.

Теперь Правительство и правящая партия рекламируют собственную аналогичную законодательную инициативу, однако она много слабее по содержанию и не касается дополнительно образования детей.

В третьих, позитивной оценки заслуживают немногочисленные положения документа, относящиеся к гарантиям права на образование для отдельных категорий граждан, в том числе такие предложения:

— после специальной довузовской подготовки вне конкурса принимать и за государственный счёт обучать тех, кто полный срок отслужит в армии. — Это, с одной стороны, должно стать стимулом к армейской службе, а, с другой — шагом к ограничению неравенства образовательных возможностей, поскольку современная российская армия, как известно, вновь стала «рабоче-крестьянской» по солдатско-сержантскому составу;

— финансировать на основе повышенных нормативов образование лиц с ограниченными возможностями здоровья. (По данным предыдущего Минобрнауки, в специальных образовательных условиях нуждается каждый десятый обучающийся).

В-четвёртых, как обычно в подобных случаях, документом провозглашаются самые благие цели, призванные вызвать сочувственный отклик в сердце каждого, кто учится, учит или обеспокоен будущим своих детей. Цитирую:

«На современном этапе модернизации российского образования приоритетными направлениями государственной политики образования должны стать:

- формирование современной системы непрерывного профессионального образования;
- повышение качества профессионального образования;
- обеспечение доступности качественного общего образования;
- повышение инвестиционной привлекательности сферы образования».

Интересно, найдется ли у этих приоритетов хоть один противник? Однако стоит прочитать следующий раздел документа, посвящённый механизмам их реализации, чтобы убедиться: последствия осуществления новой стратегии окажутся прямо противоположными заявленным целям. Приведем лишь некоторые тому доказательства, начав с самой привлекательной декларации — обеспечения доступности качественного общего образования.

Дёготь бочками

1. Введение частичной платы за обучение в школе под лозунгом сокращения нагрузки учеников и учителей

Цитирую документ: «С целью сохранения здоровья детей следует рассмотреть различные варианты снижения нагрузки учащихся. Учитывая, что аудиторная нагрузка учащихся в России выше чем, например, в европейских странах на 10–15%, целесообразно апробировать снижение недельной нагрузки учебного плана при соответствующем увеличении уровня оплаты педагогического часа учителя (за счёт уменьшения нормы часов на ставку заработной платы). При этом индивидуализация занятий учащихся и расширение для них возможностей выбора образовательных программ могут финансироваться из дополнительных источников как бюджетных, так и внебюджетных».

Выступая 25 ноября на Парламентских слушаниях в Совете федерации и 9 декабря на заседании Правительства, министр образования и науки А. Фурсенко расшифровал этот текст примерно следующим образом:

— базисный учебный план в школе сокращается на 25% (а не на 10–15%);

— родители, желающие дать детям полноценное образование, оплачивают четверть их обучения;

— малообеспеченные семьи получают на эти цели адресные субсидии;

— при прежнем уровне зарплаты ставка педагога снижается на четверть (т.е. 4,5 часа из 18), но за счёт родительской платы учитель, соответственно, получает на четверть больше.

Ректор Высшей школы экономики Я. Кузьминов на думских слушаниях 9 декабря мягко обосновывал целесообразность предложений Минобрнауки: поскольку школьные поборы все равно существуют, составляя по данным «Вышки» до 25% от бюджета школы (предполагаю, что эти данные получены в Москве), их следует узаконить и вывести из «тени» на «свет». Однако, когда

эта «реформаторская» идея была озвучена мною в селе (п. Черлак Омской области), зал, состоявший в основном из родителей и педагогов, загудел от возмущения. Приведу отрывок из собственного выступления на Слушаниях в Совете Федерации в присутствии министра образования и науки.

«...Некоторые идеи «Стратегии» содержат прямую угрозу понижения человеческого потенциала страны и раскола образовательного сообщества. Под благовидным предлогом сокращения учебной нагрузки школьников и учителей на 25% нам фактически предлагают введение всеобщего частично платного среднего образования с компенсациями для малообеспеченных семей. Возможно, часть директоров школ эту идею поддержат, зато абсолютное большинство родителей выскажутся против.

Позволю себе и здесь сослаться на мировой опыт. Возьмём в качестве примера США — идеал для отечественных ультралибералов и новое «светлое будущее» России. В этой самой западной из всех западных стран 90% детей учатся в государственной или муниципальной школе с бесплатными учебниками, разумеется, без всяких принудительных родительских доплат. Между тем, минимальная заработная плата в большинстве развитых стран составляет около тысячи долларов, тогда как в России — чуть более 20 долларов. Одновременно после правления Дж. Буша-младшего дефицит бюджета в США превысил 400 млрд долларов, тогда как в России в 2001–2005 гг. профицит федерального бюджета приблизится к 1,5 триллионам рублей. Почему мы опять пытаемся экономить на детях?

Не говорю уже о том, что «адресные» субсидии в селе платить придётся практически всем поголовно, а, учитывая современные нравы, есть все основания полагать, что деньги эти просто пропьют. Как здесь не вспомнить горький анекдот.

Сын услышал по радио, что поднимаются цены на водку и спрашивает отца:

— Папа, это значит, что ты будешь меньше пить?

— Не, сынок, это ты будешь меньше есть!

Предложение о мнимом сокращении учебной нагрузки (т.е. оплачиваемых из бюджета учебных часов) для детей из семей с низкими и средними доходами явно ведёт к тому же результату, но уже в отношении пищи духовной».

Подытоживая сказанное, легко прогнозировать основные последствия столь трогательной заботы Правительства по поводу «перегрузки» детей:

- понижение общего уровня школьного образования (за последние 15 лет Россия и без того в значительной мере утратила свои позиции в этой области);

- рост неравенства образовательных возможностей в зависимости от доходов семьи и места жительства;

- обострение ситуации с детской безнадзорностью (авторы документа почему-то считают необходимым решать эту проблему лишь в отношении сельских малокомплектных и специальных школ);

- увеличение существующих поборов с родителей примерно в 2 раза, причём на законных основаниях;

- неочевидное влияние на уровень оплаты педагогического труда (вполне вероятно, что перегруженные региональные бюджеты при расширении платности школьного образования попытаются ещё больше сократить надтарифный фонд зарплаты).

2. Новая структура школьного стандарта, предполагающая две новации: включение в стандарт требований к условиям образовательной деятельности при одновременном исключении из него минимального содержания образования

Первая из этих новаций заслуживает всяческой поддержки: невозможно добиться высокого качества подготовки выпускников при отсутствии необходимых условий образования. Эта идея особенно

важна сейчас, когда правительственным законом об отмене 112 законов и «секвестре» 152 (№ 122-ФЗ от 22 августа 2004 г.) образовательное законодательство разрушено именно в части, призванной обеспечить уровень финансирования школы, зарплату и другие составляющие социального статуса педагога, а также социальные гарантии для учащихся. Стандарт на условия образовательной деятельности предлагал ввести в закон ещё профильный Комитет третьей Госдумы, включая автора этих строк. Однако тогда именно Минфин настаивал на том, чтобы это положение из законопроекта было исключено. Удастся ли неопитам образовательной политики вернуть его обратно, покажет только время.

Вторая предложенная новация — об исключении из стандарта минимального содержания образования, на мой взгляд, стандарт полностью разрушает. Если в каждой школе ребёнка будут учить, чему и когда считают нужным, обеспечить качество образования и академическую мобильность (например, при переезде в другой город) окажется практически невозможно. Невозможно даже в том случае, когда учить будут в принципе одному и тому же, но в совершенно разное время. Представим себе ребёнка, родители которого переехали из села в город, в другой район города, в другой регион или просто в другую школу в рамках своего микрорайона, где ему придётся повторить часть уже изученных курсов, но зато самостоятельно наверстывать курсы, пройденные его новыми одноклассниками. Ясно, что сделать это можно только с помощью репетиторов или платных дополнительных занятий со школьными учителями. Кстати, идея «зачистки» минимального содержания образования напрямую связана с предыдущей — о введении для всех частично платного обучения. Ведь образовательные стандарты — это один из современных обуюдоострых механизмов управления: полноценный стандарт — качественное образование; усечённый стандарт — и образование соответствующее. Ко второму варианту российское Правительство склонялось ещё в период «очередного этапа реформирования образования» (1997–98 гг.). Тогда отбились. Отобьемся ли вновь?

Таким образом, оценить «школьно-стандартные» «новеллы» правительственного документа можно известной формулой: хорошее в нём не ново, а новое — не хорошо.

Интересно было бы послушать, как разработчики «Приоритетных направлений» станут обосновывать связь предлагаемых мер с повышением доступности качественного общего образования? Но для этого надо узнать хотя бы их имена.

3. Двухступенчатое высшее образование: непрерывность — через разрыв?

Обратимся, однако, к тому, как предполагается реализовать другие цели, провозглашённые документом. «Приоритетные направления» предполагают переход отечественной системы

высшего образования на двухступенчатую структуру. Возможность такой структуры («бакалавр — специалист» или «бакалавр — магистр») и в настоящее время предусмотрена Федеральным законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», а её необходимость — «болонским процессом», к которому присоединилась Россия. Насколько жёстким является такое требование — вопрос особый, выходящий за рамки наших задач. Во всяком случае, к плюсам правительственного документа можно отнести то, что он допускает сохранение так называемого специалитета, т.е. возможности подготовки, наряду с бакалаврами и магистрами, также и специалистов в соответствии с традициями отечественной системы образования.

Однако и в данном случае «минус» многократно перевешивает «плюс». «Приоритетными направлениями» предполагается конкурсный отбор при переводе с первой ступени высшего образования на вторую. Более того, в одном из законопроектов, подготовленных группой И. Шувалова — Я. Кузьминова — Л. Яковсона, были обозначены и примерные пропорции: количество учебных мест для специалистов должно составлять не более 40%, а магистров — не более 30% от выпуска бакалавров. Как говорили встарь, вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Какая же это непрерывность, если даже ступени одного уровня профессионального образования предполагается разорвать? Подумали ли авторы о том, что будет с отсрочками от военной службы, если уже сейчас военкоматы пытаются не дать бакалаврам перейти в магистратуру и специалитет?

Выступая 9 декабря на Парламентских слушаниях в Госдуме, ректор МГУ, Президент Российского союза ректоров В. Садовничий вполне определённо заявил, что трёхлетние российские бакалавры при современном уровне оплаты труда интеллигенции обречены лишь на то, чтобы становиться на Западе лаборанта-

ми. И эта система подготовки «волшебников-недоучек» почему-то именуется повышением качества профессионального образования!

4. ГИФО на основе ЕГЭ — новый фактор неравенства

В своё время автор уже имел возможность подробно высказать читателям журналу свою точку зрения на этот вопрос (см. НО. 2004. № 1, 2.). Хочется лишь напомнить ещё раз: в мире есть много стран, где используется система единого экзамена, общенационального тестирования и т.п.; однако образовательные ваучеры не используются ни в США, ни в Германии, ни в Великобритании, ни во Франции, ни в Южной Корее, ни в большинстве других индустриально развитых стран; что же касается ГИФО по результатам ЕГЭ — это замороженный «велосипед», насколько известно автору, не имеющий аналогов в мире. И не случайно: с помощью элитных школ, репетиторов, связей и взяток семьи с более высокими доходами, несомненно, смогут в среднем обеспечить более высокие результаты ЕГЭ для своих детей. Как показал эксперимент, относительный уровень льгот, предусмотренных законодательством для детей-сирот, детей-инвалидов, инвалидов I и II групп, инвалидов и участников боевых действий и других категорий граждан, при введении ЕГЭ заметно снижается. В итоге бесплатно будут учиться, как правило, именно дети из семей с высокими доходами. Тем же, кто таких доходов не имеет, придётся за образование доплачивать или платить полностью. Аналогичная ситуация наблюдается уже сейчас, однако ГИФО на основе ЕГЭ её резко обострит.

Кстати, и в эксперименте, и в предшествующей итерации концепции ГИФО был, как минимум один плюс: она предполагала, что бюджет будет оплачивать обучение не менее половины всех студентов, получивших образовательные ваучеры. В новом правительственном документе этого важного положения обнаружить не удалось.

5. Новые организационно-правовые формы: кто превратится в ГАНО?

Продолжая линию концепции управления имущественными комплексами в образовании, «Приоритетные направления» предполагают введение новых организационно-правовых форм образовательных организаций. «Помимо бюджетных учреждений предполагается использование таких организационно-правовых форм как автономные учреждения (АУ) и государственные (муниципальные) автономные некоммерческие организации (Г(М)АНО). Выполнение данной задачи позволит создать базовые условия для повышения эффективности и прозрачности финансирования сферы образования».

Эти АУ и Г(М)АНО (или ГАНО, как значилось в первом варианте концепции управления имущественными комплексами), уже стали предметом бурных протестов со стороны общественности, представляющей интересы образования и культуры. Напомню ещё раз, что переход к ним означает: 1) утрату многих достижений законодательства, включая отсрочки, налоговые льготы и т.п.; 2) потерю конституционных гарантий права граждан на образование, которые предусмотрены в госучреждениях, но отнюдь не для АУ или ГАНО; 3) явный шаг к приватизации образования, ибо, с одной стороны снимается запрет на неё, предусмотренный законом для образовательных учреждений, но не для АУ и ГАНО, а, с другой — в последней версии законопроекта имущество ГАНО предполагается фактически передать в частную собственность при формальном государственном статусе организации (подробнее см.: НО. 2004. № 10).

Позволю себе ещё одну цитату из собственного выступления на Парламентских слушаниях в Совете Федерации 25 ноября: «В своё время министра образования В.М. Филиппова немало критиковали за обилие экспериментов. Изобрели даже специальный термин — «ширмаш», т.е. широкомасштабный экс-

перимент. Однако справедливость требует сказать: эти широко-масштабные эксперименты уберегли отечественное образование от многих бед. Если бы ЕГЭ, ГИФО и подобные им меры вводились сразу, без всяких экспериментов и обсуждений, последствия оказались бы много хуже.

Уважаемый Андрей Александрович (Фурсенко)! Быть может, стоит последовать примеру и дать возможность желающим попробовать это самое ГАНО в порядке эксперимента, только узкомасштабного? Давайте сначала посмотрим, к чему это приведёт».

Собственно говоря, из текста концепции не следует, что все государственные образовательные учреждения принудительно станут превращать в АУ или ГАНО. В этом заверял участников Парламентских слушаний в Совете Федерации и министр образования и науки А. Фурсенко. Однако лиха беда — начало. Сейчас никто не может определить, сколь сильным окажется для Правительства соблазн уменьшить бюджетное финансирование образования, а заодно ликвидировать оставшиеся налоговые льготы, отсрочки и т.п. В печати уже сообщалось о том, что в ГАНО решено превратить, например, большую часть театров, оставив госучреждениями с соответствующим финансированием лишь ограниченное число избранных. Вполне вероятно, что та же судьба ожидает и большинство образовательных учреждений, по крайней мере, профессиональных.

6. Шаги назад

Даже в тех случаях, когда «Приоритетные направления» предполагают новации, уже широко обсуждавшиеся в образовательном сообществе, это делается, либо игнорируя ключевые вопросы, либо с отступлением от ранее согласованных позиций. Вот лишь два примера.

Пример первый — образовательные кредиты. Этот широко используемый в развитых странах инструмент предлагается применять, преимущественно, на второй ступени высшего образования. Однако из текста неясно, о чём именно идёт речь:

— о собственно образовательных кредитах (т.е. средствах на оплату образования) или социальных кредитах для студентов (т.е. на жизнь в период обучения)?

— о кредитах вместо бюджетного финансирования или дополнительно к нему?

— о кредитах, используемых во всей сфере высшего образования или же только в некоторых её сегментах (например, в педагогическом и медицинском образовании)?

— о кредитах льготных или обычных (напомню: в США образовательный кредит выдаётся по ставке рефинансирования федеральной резервной системы, т.е. около 0,5% в год)?

Пример второй — профильная старшая школа. И здесь документ не содержит внятного ответа на вопросы, многократно дискутировавшиеся в образовательном сообществе в предыдущие годы:

— сохраняется ли в профильной школе общедоступность полного среднего образования?

— как будет идти профилизация в сельской школе (тем более малокомплектной), тем более при одном классе в параллели и при отсутствии необходимых учебников, оборудования и кадров?

— все ли школьники должны будут учиться в профильных классах или у них будет право выбора?

В Федеральном совете по общему образованию по последнему вопросу уже была достигнута договоренность, что наряду с профильной школой сохранится и универсальная. Действительно, невозможно требовать от каждого ребёнка, чтобы он чётко определился с выбором дальнейшей траектории обучения уже в девятом классе. Похоже, что эта договоренность теперь забыта, а хрупкий консенсус в образовательном сообществе разрушен: «Приоритетные направления» однозначно определяют старшую ступень школы как профильную.

7. Молчание о главном

Ни Концепция управления имущественными комплексами, ни «Стратегия», ни «Приоритетные направления» практически ничего не отвечают на ключевые вопросы образовательной политики, включая бюджетное финансирование, налоговые льготы, статус педагога и социальные гарантии для обучающихся. Более того, если об этом и упоминается, то в таких формулировках, про которые говорят: лучше уж жевать!

Так, признавая длительное недофинансирование системы образования и низкий уровень зарплаты педагогов, авторы документа разразились следующим пассажем: «Доля расходов на оплату труда в консолидированных бюджетах субъектов Российской Федерации последние годы нарастает. В 2000—2002 гг. она составила 40,2%, 43,1% и 49,9% соответственно. Дальнейшее увеличение доли заработной платы в структуре расходов на образование может привести к суще-

ственному снижению качества учебного процесса».

Каково, читатель? Оказывается, беда школы не в том, что ей не дают денег, но в том, что их слишком много выделяется на зарплату! Какой вывод из этого сделают Минфин и иже с ним, понятно: повышать зарплату учителю больше не следует. Тем более, что министр финансов А. Кудрин уже много раз с восторгом говорил о том, что за последние 4 года она выросла в 2,5 раза. Вот только педагоги эти расчёты не подтверждают.

«Приоритетные направления» стыдливо обходят и проблему налоговых льгот для образования. Между тем, образовательное сообщество должно получить ясный ответ, по крайней мере, на следующие вопросы:

— готово ли Минобрнауки РФ совместно с профильными парламентскими комитетами бороться за их сохранение и возвращение, или Россия будет по-прежнему догонять развитые страны задом наперед, облагая всех одинаковыми налогами и вводя с помощью такого «казарменного коммунизма» «дикий капитализм»?

— что будут делать образовательные учреждения в 2006 году, когда заканчивается срок действия льготы по налогу на имущество и, по расчётам экспертов думского бюджетного Комитета, затраты на выплату этого налога окажутся сравнимыми с фондом оплаты труда?

— будет ли и кому именно компенсирована за счёт бюджетов потеря налоговых льгот?

Рассуждать о повышении инвестиционной привлекательности образования и при этом облагать налогами образовательные учреждения и инвесторов — таков яркий образчик «методологической логики». При подобном подходе проблеме инвестиций в образование придётся решать едва ли не дольше, чем уравнение Ферма.

Авторы нового правительственного документа упрекнули своих предшественников в том, что в части финансирования

и социальных гарантий позиции, заложенные в прежние решения о модернизации образования, не выполнены. И упрекнули справедливо. Однако предшественники, по крайней мере, поднимали эти вопросы перед Правительством. Напротив, в «Приоритетных направлениях» сделан вид, что этих вопросов просто не существует. Оправданий такому подходу нет никаких.

В итоге

Совершенно очевидно: серьёзный документ о стратегии и перспективах развития образования должен ответить, как минимум, на вопросы о том, каковы будут:

1) уровень и механизмы финансирования, включая консолидированный бюджет, межбюджетные отношения, налоговый режим для самих образовательных учреждений и инвесторов образования;

2) уровень оплаты труда и другие параметры статуса педагогических работников;

3) гарантии права на образование и социальные гарантии для обучающихся;

4) система мер по ограничению неравенства возможностей в сфере образования;

5) система и организация управления, включая его уровни, распределение полномочий и нефинансовые механизмы;

6) содержание образования;

7) ценности, на которые система образования ориентирует обучающихся.

В «Приоритетных направлениях» полного и системно изложенного ответа нет ни на один из этих вопросов, а на некоторые ответа нет вообще. Прочитав документ, внятно сформулированных перспектив для себя не увидят ни родители, ни педагоги, ни школьники, ни студенты,

ни образовательное сообщество, ни общество в целом. Не исключено, что в отечественную историю образовательной политики он войдет под названием «Образование без приоритетов и без перспектив». Он нуждается не в доработке, но в принципиальной переработке.

Закончить рискну выводами из собственного выступления на Парламентских слушаниях в Совете Федерации.

1. Российскому образовательному сообществу, несомненно, нужен документ, который по содержанию отвечал бы на все основные вопросы, а по форме был бы ясен участникам образовательного процесса. В этом смысле не грех использовать опыт западных политиков, чьи программы формулируются в виде ограниченного числа тезисов, понятных всему населению».

2. Для доработки (а точнее переработки) предложенных Министерством документов необходимо создать совместную правительственно-парламентскую рабочую группу (или группы). В качестве «площадки» предложил бы Совет Федерации как наименее политизированную структуру, которая в последнее время нередко занимает позицию более прообразовательную, чем современная Госдума.

3. По спорным проблемам необходим режим публичного обсуждения и узкомасштабных экспериментов...

4. Очевидно, что главная трудность — не выработка программы, но её проведение в жизнь. Поэтому отечественному образованию, как никогда, нужна мощная, в хорошем смысле лоббистская структура для защиты и продвижения собственных интересов. Образовательное лобби во властных структурах, включая Парламент, в критический момент оказалось довольно слабым. А жаль: образование — это та сфера, где корпоративные интересы совпадают с общественными; чем более образованной будет страна, тем больше у неё шансов обеспечить себе достойное будущее.

Думаю, основными ориентирами для новой структуры могли бы стать три принципа. Два из них сформулированы ЮНЕСКО: «Образование для всех» и «Образование через всю жизнь». Рискну сформулировать и третий принцип: «Хорошего образования много не бывает».

Глубоко убеждён: модернизация образования России необходима. Но это должна быть модернизация органическая, которая опиралась бы, с одной стороны, на лучшие отечественные традиции, а с другой — на опыт самых передовых наций, а не отбрасывала бы Россию назад — к элитаристским подходам позапрошлого века. Чем быстрее это осознает власть, тем больше перспектив у страны и народа. **НО**